

ВРЕМЯ ИНДИГО

Нина **Садур**,
писатель, драматург

Это было время индиго. Это я потом узнала. Когда меня привезли в музей кимоно. В зимнем феврале древние японки одевались в кимоно всех оттенков индиго. Индиго великолепно оттеняет игру снежного цвета (там, где есть снег, там, где не сдувает его прибрежный океанский ветер). По крайней мере, я так решила, немного боясь непостижимой роскоши женственных тканей, немного боясь напряженного, внимательного, тайно наблюдающего стояния рядом со мной японского служащего, охраняющего и ткани, и воздух, слабо синеющий над ними, и благоговение, которое тут должно непременно быть. Но если я не проявлю благоговения, он меня зарубит саблей, я знала это. И он немножко мешал, нависал своей ревностью – достаточно ли я восхищена?! Мне казалось, что он, этот молодой красавец с лицом самурая (все японские красавцы с лицами самураев!), тайно изнуряюще влюблен в маленькую хозяйку всех этих кимоно, так иногда подрагивали его брови... Но хозяйка куда-то ушла, исчезла, растаяла, как снегурка. Потому что зимний месяц февраль заканчивался. Но влюблен он был только в кимоно, пусто раскинувшие свои крылья в неподвижном воздухе музея. Во

все оттенки индиго, от темно-синего до слабозеленого. Потому что снег, повторяю, торжествует, когда рядом оно – кимоно цвета индиго! Мне сказали: «Они вообще такие. Они любят любоваться. У них мало земли и много воды, много и воздуха. Они не то птицы, не то русалки. Их язык тебя поразит. Ты подумаешь, что они поют. Нет, они так интонируют. У них речь интонационная. И еще звон. Легкий, ясный, слабый, но почти непрерывный. Они не только поют, но и звенят! (Это крошечные буддистские колокольчики, я потом узнала). И еще еду они подают в черных лаковых шкатулках, изнутри золотых. И, конечно, разубавляются перед едой. Конечно, тебя поразит их грациозная учтивость. У них мало земного пространства, но громадно много воды вокруг них и воздуха над ними. Их учтивость – балет, потому что они твердо решили жить, любуясь миром, самими собой, всем, что происходит вокруг и сейчас». Учтивость их, правда, похожа на полет ласточек. Еще мне сказали: «Ты, конечно, ничего не поймешь за такую короткую поездку, ты ни грамма не японистка, ты попадешь в сон и отдайся сну, думай, что они все

иллюстрация: кэйко кобаяси

тебя снятся. У них много веселых богов, которые будут водить тебя по японскому миру». И я кошмарно смотрела по сто раз на дню свою «Чудную бабу» на японском языке (а хотелось в музей, в магазин, в ресторан). И, конечно, я видела: тут они слабаки, тут как раз они ничего в нас не понимают, тут мы для них – абсолютный сон! То есть мы друг другу снимаем. А жила я в шкафу. Но у меня там все удивительно умещалось. Все как-то складывалось и раскладывалось до бесконечности, и какая-нибудь бесхитростная кнопка выдавала столько умных и полезных услуг! Даже кнопки у них крайне учтивы! И вот наконец, когда я окончательно возненавидела свою «Чудную бабу» на японском языке, меня повезли в настоящий японский театр Кабуки. В огромном фойе было много розовых бумажных цветов, свисавших с потолка, и это напоминало утренник в богатом детском саду. И была выставка белых атласных гордых орхидей – живых, но неприступных. Я гуляла по фойе, боясь запаниковать и войти не в ту дверь... И я так одиноко возвышалась над изящной учливой толпой... Потом мы вошли в зал, огромный, как стадион. Как же играть на такой гигантской сцене? Я всегда подозревала, что театр таким и должен быть. Просто я никогда не была японкой. Ни секунды, ни капли, ни грамма! Но когда началось это действие, я почему-то вспомнила – да-да! – именно две лодки встречаются на реке, и начинается страшная свара: мужская лодка заигрывает с дамской, но дамская дает достойный отпор и ставит на место нахалов! Там еще много чего происходило. Главный герой допрыгался до того, что зарезал жену, украл у нее деньги, избил престарелых родителей своей любовницы, напился,

подрался, но когда его повели наконец на заслуженную казнь, весь наш русско-японский зал плакал от жалости. Я не знаю, почему мы его жалели. Наверное, потому что он был красавец. Или потому что в конце своей забубенной жизни он сам ужаснулся всем своим безобразиям. Я даже не знаю, как они этого достигают: введение зрителя в транс, магия, несомненно – тайное знание, каста, но все-таки, все-таки, что это за бесконечно-непрерывно длящийся восторг? Ведь я ни слова не понимаю, влопыхах мне даже сюжета не рассказали... Неужели это возможно? Это уже почти... Вы не поверите! Там был такой актерский проход в одной сцене между зрительскими рядами. Наш бедолага герой и пожилая дама идут и ведут комический диалог. И знаете, знаете, рядом с кем они остановились?! Они рядом со мной остановились. Наверное, моя радость так вопила на весь зал, что он, Герой, услышал ее и подошел рассмотреть меня. Нет, не так. Он

Они любят любоваться. У них мало земли и много воды, много и воздуха.

Они не то птицы, не то русалки.

позволил рассмотреть себя. (Вот сейчас я вблизи увижу грим и прочее, и очарование пропадет.) Я увидела грим и прочее, и я увидела черную прорезь глаз. Это нехорошо. Это за гранью допустимого. Это даже за гранью искусства. Или это искусство – за гранью моих возможностей. Так смотрит бездна. Которая тебя не любит. Но которая дарит себя тебе. Хочешь ты этого или нет. До самой последней капли. Мне сказали, что это-то ладно. Кабуки – простецкий театр, театр для простого народа. А вот у нас есть театр Но... Через пару дней я уехала домой, а еще через несколько дней в Японии началось это. Но я должна туда вернуться. Я должна увидеть театр Но.

21 мая 2011 года